Война и мир: дипломаты и журналисты в Москве летом и осенью 1941-го

Анатолий Воронин

Анатолий Борисович Воронин (р. 1967) – независимый исследователь-москвовед, автор книги «Москва 1941» (2016).

Отрекаясь от старого мира, Советская Россия не только уничтожила чуждые ей классы аристократии и буржуазии, но и разорвала прежние международные связи. И если у «эксплуататорских» классов не было шансов на возрождение, то торговые и дипломатические отношения все же пришлось восстанавливать. Возобновление зарубежных контактов началось с небольших соседей, но вскоре большевики торговали уже и с капиталистическими титанами. Большевистская идеология не предполагала веры в прочность и искренность подобных связей. Скорее представителей «буржуев» до поры – то есть до окончательной победы революции – предполагалось просто терпеть. Следовательно, приходилось мириться и с присутствием ограниченного контингента иностранцев на территории первого в мире государства рабочих и крестьян.

С ростом мощи терпение советской власти соразмерно истончалось. Соответственно, менялось и отношение к дипломатическому корпусу и журналистам: из сдержанно-снисходительного оно превращалось в откровенно враждебное. Когда иноспециалисты и инорабочие исчерпывали кредит своей полезности, их можно было не без облегчения зачислить во вредители и шпионы. С конца 1930-х обруч недоверия и подозрений все крепче начинал сдавливать жизненные миры иностранцев, оказавшихся в Москве, и к 1941 году едва ли кто-то из них чувствовал себя в ней желанным гостем. В наибольшей мере эту перемену ощущали британцы и американцы, хотя даже внезапно ставшие «друзьями» немцы вздыхали: «Где вы, добрые старые деньки плохих отношений»[1].

Пресс идеологических подозрений регулировался в наркоматах внешних и внутренних дел. Вкупе с обуявшей СССР шпиономанией он способствовал сплочению дипломатических миссий. «Иностранная колония Москвы жила обособленной жизнью, за стенами, невидимыми, но неприступными, словно крепостные стены Кремля», – констатировал корреспондент «Associated Press» Генри Кэссиди[2]. Подавляющее большинство

1 Тейер Ч. *Медведи в икре*. М.: Весь мир, 2016. С. 220.
2 Cassidy H.C. *Moscow Dateline: 1941–1943*. Boston: Houghton Mifflin, 1943. P. 79.

дипломатов и прочих представителей буржуазии были сосредоточены в Москве, удаляться от которой им было запрещено. Рядом всегда были компетентные органы, не спускавшие глаз с «западников». Общение же иностранцев с советскими гражданами фактически было сведено на нет. Так в красном море советской власти образовался архипелаг зарубежных посольств: замкнутый мирок, отгороженный от столицы забором особняков, иностранных паспортов и невиданной роскоши, абсолютно недоступной большинству советских людей.

«Старорежимные» объекты: пиры за кованой оградой

К июню 1941 года большинство западных посольств в Москве исполняли строго представительские функции. Дипломатические миссии жили в режиме жестких ограничений: любые попытки ознакомиться со страной приравнивались к шпионажу, контакты с местным населением не допускались, а доступ к любой информации, включая даже советские газеты, ограничивался. Эта политика принесла свои плоды. Например, о том, что действительно происходит в промышленности СССР, сколько производится продукции, особенно военной, не знал никто. Разумеется, эксперты, работавшие при посольствах, не располагали и личными контактами в структурах власти. Информационный вакуум порождал желание додумать и домыслить: в результате в посольско-журналистских кругах господствовало мнение, что СССР не сможет продержаться против Германии более трех месяцев[3].

Конечно, послы США, Великобритании, Германии старались работать в интересах своих держав. Успех их усилий зависел от позиции Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) или, говоря точнее, от того, соотносились ли их попытки предпринять то или это с сиюминутными интересами большевиков. От особо надоедливых можно было отмахнуться, за исключением разве что представителя Германии, графа Фридриха Вернера фон дер Шуленбурга. Этот человек был не только посланником государства, с позицией которого в СССР решили считаться, но и дуайеном (старейшиной) дипломатического корпуса. Этот статус, которым наделяется посол, дольше всех аккредитованный в стране, открывал беспрепятственный доступ к наркому иностранных дел Вячеславу Молотову. (После вынужденного отъезда Шуленбурга в июне 1941-го дуайеном стал посол Ирана Мохаммед Саед – блестящий дипломат и будущий премьер-министр.)

3 Ibid. P. 81.

Иные дипломаты махнули рукой на сколь-нибудь серьезные задачи и просто «держали фасон», кружась в замкнутом распорядке дней, – как, например, итальянский посол Аугусто Россо. С утра он любил прогуливаться в саду посольства, расположенного на улице Веснина, 5 (ныне Денежный переулок) в компании большого черного спаниеля по кличке Тыква, а затем на шикарном родстере с открытым верхом в компании жены-американки выезжал в город: вечерами было принято играть в покер с американскими коллегами[4]. Жизнелюбивое итальянское посольство славилось самыми роскошными приемами. В такие дни на входе гостей встречали стройные слуги в красных ливреях, глаз услаждало обилие пышных букетов, а на столах благоухали стоившие баснословных денег угощения. В соседнем со столовой зале на паркете сохранялась темная отметина, которая, по словам Россо, была пятном крови застреленного на этом месте в 1918 году германского посла Вильгельма фон Мирбаха[5]. Роскошный особняк фашистского королевства помнил прежнего русского хозяина – промышленника Сергея Берга, лишенного прав весной 1918 года и умершего в нищете[6].

Посольство США размещалось в здании на Моховой, построенном стена в стену с гостиницей «Националь», а сам посол поселился в ныне знаменитом Спасо-хаусе. В остававшейся за забором советской России это были единственные места, где еще являлись призраки старого мира. Временами, правда, было скучновато. «Здесь нет ночных клубов, никакой ночной жизни, никаких развлечений, разве что балет и опера, которые очень хороши, но, когда побываешь на всех двадцати представлениях, делать больше нечего»[7], – жаловался в письме другу посол США Лоуренс Штейнгардт. Впрочем, опера была доступна не всем иностранцам, ведь большинство из них не знали русского языка. Оставалось устраивать развлечения самостоятельно и ходить друг к другу в гости.

Посольская неделя начиналась с *mardis de Madame Gafencu* – еженедельного вторничного приема в посольстве Румынии. Двери находившегося на Ленинградском шоссе небольшого дворца[8] с розовыми мраморными стенами распахивались в шесть часов вечера, гости играли в пинг-понг, пили чай

4 Ibid. P. 73.
5 Moats A.-L. *Blind Date with Mars.* Garden City; NewYork: Doubleday; Doran, 1943. P. 217.
6 Лющанова Т.Б. *Итальянский остров Берга: семейная история* // Московское наследие. 2015. № 1(37). С. 59.
7 Цит. по: Данн Д. *Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве.* М.: Три квадрата, 2004. С. 164.
8 Вилла Ксении Беллик, построенная в 1915–1917 годах, сегодня имеет адрес Ленинградский проспект, 20. С 1944-го по 1988-й здесь находилось посольство Болгарии, а до 2011 года располагался Болгарский культурный центр. Новый владелец значительно исказил внешний облик здания.

и вели светские беседы в салоне. Затем следовали фуршет, танцы под граммофон и неизменное общение с послом и его женой. Так продолжалось до раннего утра, и тот, кто уходил раньше, рисковал не быть приглашенным на следующий вторник. Европу уже опалила новая война, и представители антигитлеровских держав, в первую очередь англичане, эти приемы не посещали. Дипломаты же нейтральных на тот момент государств, главным образом американцы, напротив, ходили на них с удовольствием.

У британцев, соответственно, был свой распорядок: их посольство, находившееся в особняке на Софийской набережной, прямо напротив Кремля, обычно приглашало коллег в какие-то из будних дней. «Не правда ли странно: мы, такие нарядные, танцуем буквально в двух шагах от резиденции правительства, которое всеми силами старается нас уничтожить», – заметил как-то один из приглашенных[9]. Субботние же вечера обычно готовили американцы. У них гостей угощали ужином, американским фильмом, доставленным диппочтой из Швеции, танцами и бриджем. Если страны Оси и их антагонисты просто не приглашали друг друга на приемы, то нейтралам в ходе собственных мероприятий приходилось проявлять чудеса дипломатии. Например, посол Афганистана во время приема разводил воюющие стороны по разным комнатам. Американцы свободно дефилировали между ними, а вот французы, представлявшие на тот момент уже режим Виши, нередко колебались, в какую дверь входить[10].

В воскресенья дипломаты разъезжались по дачам, где так же витал дух дореволюционной России. «Когда за тобой закрывались ворота [дачи], то казалось, что и Советский Союз, и пятилетний план, и прежде всего ГПУ более не существуют»[11], – вспоминал третий секретарь посольства США Чарльз Тейер. Впрочем, некоторые из таких мест уже были отмечены приобщением к советской истории. Англичане, например, занимали бывшие коттеджи компании «Метро-Виккерс» в Перловке, рядом с Мытищами; именно здесь были арестованы английские инженеры, ставшие обвиняемыми на шпионском процессе 1933 года.

Особенно весело было на американской даче в Немчиновке – небольшом домике с оригинальными печными трубами и красивым видом из окон. Здесь в саду или вокруг камина собирались ее соарендаторы: первый секретарь посольства Чарльз Дикерсон и его жена Констанс, военный атташе Айвен Итон и его жена Элис, а также Тейер. Порой туда заглядывали гречес-

9 Moats A.-L. *Blind Date with Mars*. P. 184.
10 Ibid. P. 210.
11 Тейер Ч. *Указ. соч.* С. 156.

кий посол Христос Диамантопулос и его американская жена Альберта. «Мы оставили свою машину на углу, сняв флаг, – посмеивались они. – У вас не будет проблем из-за того, что вы развлечете главу миссии в отсутствие вашего шефа»[12]. За сохранность машины можно было не беспокоиться: всех послов всегда сопровождали сотрудники НКВД.

Илл. 1. Со времен войны посольство Великобритании в Москве почти не изменилось: Софийская набережная, 1959 год (© University of Wisconsin-Milwaukee Libraries. American Geographical Society Library. Harrison Forman Collection).

Одно из самых больших посольских загородных имений находилось в Болшеве: это был дачный комплекс посольства Ирана, занимавший около восьми гектаров. После революции его здания были выкуплены у двух профессоров персидского языка и литературы Московского университета и превращены в зеленый оазис. Посол Саед очень полюбил это место и предпочитал ночевать именно здесь, а не в посольском особняке на Покровском бульваре, 7[13]. Выше по реке Клязьме, в Тарасовке, располагались дачи японской и немецкой миссий, а неподалеку от них с марта 1941 года арендовало участок и американское посольство. Этот объект, находящийся в собственности НКИД, до сих пор маркируется на картах как «Дача американского посольства» – хотя историки о ней почти никогда не упоминают.

Появлению американской дачи именно в этом месте способствовала телеграмма, которую посол США получил от на-

12 Moats A.-L. *Blind Date with Mars.* P. 179.
13 Aghely B. (Ed.). *The Political Memoirs of Mohammad Sae'd Maraqe'i.* Tehran: Namak Publications, 2014. P. 82, 111.

Илл. 2. Лоуренс Штейнгардт, посол США в СССР, прибыл в Белый дом на встречу с президентом Франклином Рузвельтом 30 мая 1940 года (© Library of Congress, Prints and Photographs Division. Washington, D.C. Harris & Ewing Photograph Collection).

чальства 1 марта 1941 года. В ней сообщалось, что Вашингтон, оценив имеющуюся информацию, заключил, что в недалеком будущем возможно нападение Германии на СССР[14]. В этой связи государственный департамент предлагал послу встретиться с Молотовым и передать ему упомянутые сведения, но Штейнгардт счел, что такой шаг может быть неправильно истолкован советской стороной, – и уклонился от встречи. Тем не менее он незамедлительно принял меры на тот случай, если война действительно начнется; именно из-за этого американцы обзавелись дополнительной загородной недвижимостью. (Кстати, у американских дипломатов уже был подобный опыт: после вступления Франции в войну против Германии посол Уильям Буллит, опасаясь бомбардировок Парижа, арендовал часть замка Канде, расположенного в долине Луары, в 250 ки-

14 Axton M.F. et al. (Eds.). *Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1941. General: The Soviet Union. Vol. I.* Washington: United States Government Printing Office, 1959. P. 712–713.

лометрах юго-восточнее Парижа[15].) Предполагая, что военным действиям будут сопутствовать «полное отсутствие сотрудничества или помощи со стороны советских властей, а также прекращение работы всех государственных служб», Штейнгардт арендовал «небольшое здание с телефоном» примерно в 25 километрах от Москвы, приспособленное к автономному существованию[16]. Конечно, это был не замок на Луаре, но, по советским меркам, двухэтажная дача на берегу живописной речки выглядела прилично.

На участке находился дом из семи комнат с кухней, гараж, ледник, два сарая и другие хозяйственные постройки. Ремонтными работами командовала миссис Штейнгардт, под началом которой находилась целая армия сантехников, плотников, маляров и декораторов. В начале марта сюда были затребованы шесть восьмиместных полностью укомплектованных военных палаток, шесть печей для них, две дюжины раскладушек и такое же количество матрасов, одеял, наволочек и столовых наборов, а также четыре дюжины простыней. Вся эта роскошь, которую, по мнению посла, невозможно было приобрести в СССР, должна была поступить через Владивосток с военных баз на Гавайях или из Сан-Франциско.

Илл. 3. Так выглядело американское «Убежище» в Тарасовке в 1961 году (© National Archives at College Park, Maryland, Still Pictures [RDSS], Record Group 59).

К началу июня дача в Тарасовке преобразилась: американцы доставили палатки, установили генератор, подающий элек-

15 *A History of the Official American Presence in France*. P. 3–4. (https://photos.state.gov/libraries/france/45994/irc/uspresenceinfrance.pdf).
16 Axton M.F. et al. (Eds.). *Op. cit.* P. 874.

тричество на насос артезианской скважины, наладили радио, разбили огороды и сделали продовольственные запасы, достаточные для автономного существования ста человек в течение двух месяцев. Дачу стали называть «Убежищем».

НКВД выстраивало вокруг сотрудников посольств буквально физическую стену, предотвращавшую их общение с советскими гражданами. «Каждого посла в Москве […] всегда, куда бы он ни шел, сопровождала команда подтянутых парней из ГПУ», одетых в двубортные саржевые костюмы, пальто и кепки – все синего цвета[17]. Агенты, жаловался Штейнгардт в своих письмах, «всегда следуют за мной на расстоянии в два–три метра и заходят за мной даже в парикмахерскую»[18]. В театре двое чекистов, сопровождавших пришедших на спектакль дипломатов, сгоняли с соседних мест зрителей, а в магазине блокировали зарубежного покупателя так, чтобы никто не мог и близко подойти[19]. Однажды, когда Штейнгардт обедал в ресторане «Арагви» с фотокорреспондентом журнала «Life» Маргарет Бурк-Уайт и ее мужем, американским писателем Эрскином Колдуэллом, «сопровождающие» попросили удалиться обедавших за соседним столиком, и те безропотно ушли. «Наполовину опустошенные тарелки были убраны, а “телохранители” заказали себе новый дорогой обед»[20].

В периоды обострения двусторонних отношений государственный эскорт использовался и как средство давления. Агенты заходили за американскими дипломатами в общественные туалеты, устанавливали микрофоны во всех углах и щелях посольства США[21]. О постоянной слежке за послом даже написал московский корреспондент «The New York Times» Джордж Эрик Роу Гедди[22]. После этой публикации одного из секретарей посольства США вызвали в НКИД, где ему было заявлено: поскольку эти люди не носят форму, то они не могут быть сотрудниками НКВД, а являются частными лицами, которых просто интересует американский посол[23]. Сам Гедди был вынужден покинуть СССР летом 1940 года, так как ему фактически не позволяли работать[24].

Находящиеся под наблюдением по-разному относились к непрошеным провожатым. Кто-то демонстративно издевался над ними, отрываясь от советских «эмок» на скоростных иностранных автомобилях. Кто-то ломал комедию: скажем, приезжали на дачу втроем на одной машине, а уезжали как будто вдвоем, третий лежал на полу. Иные, покинув город, дожидались неиз-

17 Тейер Ч. *Указ. соч.* С. 170.
18 Данн Д. *Указ. соч.* С. 164–165.
19 Moats A.-L. *Blind Date with Mars.* P. 180.
20 Bourke-White M. *Shooting the Russian War.* New York: Simon & Schuster, 1942. P. 78.
21 Данн Д. *Указ. соч.* С. 177.
22 Gedye G.E.R. *Ambassador to the USSR* // The New York Times. 1940. April 21. P. 108.
23 Moats A.-L. *Blind Date with Mars.* P. 180; Тейер Ч. *Указ. соч.* С. 170.
24 См.: *Russia: Foreign Correspondent* // Time Magazine. 1940. September 23. P. 34.

менных соглядатаев на шоссе и сами сообщали агентам предполагаемый маршрут. Тейер, собираясь со Штейнгардтом на охоту, заранее предупреждал «любопытных граждан», чтобы те захватили ружья. Со временем к сопровождающим, которых прозвали «парнишками из YMCA»[25], привыкали и во время выездов на пикники даже предлагали им угощение или выпивку. Те, правда, неизменно отказывались.

«Парнишки», чувствовавшие, как к ним относятся, отвечали взаимностью. Бегунов, удиравших от них по улочкам Москвы на иномарках, могли и наказать: так, отцу Леопольду Брауну, настоятелю Храма Святого Людовика Французского, подстроили ДТП, разбив совсем новую машину[26]. Второму секретарю посольства Германии Гансу фон Херварту, напротив, достали редкую деталь, когда его автомобиль сломался во время поездки в Одессу; «хвосту», сопровождавшему его на машине чекистов, не хотелось ехать обратно поездом. Агенты, прикрепленные к Шуленбургу, проследовали за ним до самой турецкой границы, где летом 1941 года происходил обмен дипломатами Германии и СССР; когда граф сел в турецкий поезд, расстающиеся дружелюбно помахали друг другу[27].

После начала войны число сопровождающих Штейнгардта выросло до шести человек: эскорт стал больше походить на охрану. Если встречались несколько послов или сотрудников посольств, которым «полагалось сопровождение», то «хвост» пропорционально увеличивался. Во время представления только что прибывшей английской военной миссии Молотову к каравану из пятнадцати посольских машин добавились столько же автомобилей сопровождающих – они почти заполнили Красную площадь[28]. Осенью 1941-го, во время отъезда дипмиссий в эвакуацию, «телохранители» послов мгновенно очистили ресторан на Казанском вокзале, где собрались отъезжающие в Куйбышев иностранцы. Каждый вагон также сопровождали агенты, которым пришлось провести пять дней в коридоре.

В воздухе пахнет грозой...

По мнению посла Великобритании в СССР Стаффорда Криппса, которое он изложил в докладе министру иностранных дел, сэру Энтони Идену, 27 сентября 1941 года, после поражения Фран-

25 Young Men's Christian Association (YMCA) – организация христианских волонтеров из числа молодежи, основанная в 1844 году и ориентированная на совершенствования физического и нравственного здоровья людей.

26 Осипова И.И. *В тени Лубянки... О судьбах настоятелей церкви Святого Людовика Французского в Москве: воспоминания Леопольда Брауна и обзор материалов следственных дел.* М.: Братонеж, 2012. С. 296–297.

27 Herwarth von Bittenfeld H.-H. *Against Two Evils.* New York: Rawson, Wade, 1981. P. 81.

28 Moats A.-L. *Blind Date with Mars.* P. 254.

Илл. 4. Сэр Ричард Стаффорд Криппс, бывший посол Великобритании в СССР, 1943 год (© Dutch National Archives. The Hague. Fotocollectie Algemeen Nederlands Persbureau [ANEFO], Yousuf Karsh).

ции Советский Союз оставался единственной континентальной державой, способной разгромить Германию. Однако, как показали боевые действия против Финляндии, Красная Армия нуждалась в реорганизации, а на нее требовалось время. С сентября 1940-го до июня 1941-го советское правительство проводило политику «экономического умиротворения» немцев, не разрывая при этом отношений с США и Великобританией, но и не сближаясь с ними.

> «Оно крайне осторожно все это время пыталось держаться вне войны, но, в конце концов, так же, как и другие страны, убедилось, что односторонняя решимость быть вне войны бесполезна, если другая антагонистическая страна намерена воевать»[29].

29 Цит. по: *Прибалтика и геополитика. 1935–1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации* / Сост. Л.Ф. Соцков. М.: РИПОЛ классик, 2009. С. 145–146, 154.

В воздухе носились «точные даты» начала войны, в том числе называлось и 15 мая. За неделю до этого первый заместитель наркома иностранных дел Андрей Вышинский вызвал посла Югославии Милана Гавриловича и, «чуть не плача», сказал ему, что «советское правительство должно разорвать дипломатические отношения с Югославией. [...] Югославским дипломатам будет позволено остаться в России в частном порядке, если они того пожелают, но формальные отношения должны быть разорваны»[30]. Это был весьма сильный удар для Гавриловича, который все еще находился под впечатлением теплого приема, оказанного ему месяц назад лично Сталиным.

На следующее утро секретарь норвежской дипмиссии Ивар Лунде вскрыл конверт, в котором обычно приносились счета за аренду из Бюро по обслуживанию иностранцев, и обнаружил в нем лаконичное уведомление:

> «Ввиду того, что Норвегия в настоящее время не является суверенным государством и СССР не имеет в Норвегии своего дипломатического представителя, Народный комиссариат иностранных дел имеет честь довести до сведения Норвежской миссии в Москве, что Советское правительство считает с сего числа полномочия Норвежского посланника в СССР потерявшими свою силу»[31].

Лунде сообщил об этом Кэссиди, и тот, зная, что бельгийское и югославское представительства находятся в аналогичной ситуации[32], позвонил туда, чтобы узнать, получили ли они аналогичные уведомления. «Бельгийский посол сказал, что нет, а затем перезвонил через несколько минут и сказал, что да, он только что нашел записку на своем столе»[33]. В югославское представительство аналогичное письмо так и не пришло, и поэтому о решении советских властей сотрудникам объявил сам Гаврилович. По словам Кэссиди, в посольстве Германии удивились решению Москвы – о такой жертве на алтарь новой «дружбы» нацисты не просили. Утром 3 июня сотрудники посольства Югославии покинули Москву, направившись в Анкару, а во второй половине того же дня бельгийская миссия отбыла во Владивосток, чтобы перебраться оттуда в США. Когда греческий посол Диамантопулос вернулся после проводов бельгийцев[34], его тоже ждала вербальная нота НКИД: ему, как и его отбывшим коллегам, предлагалось уехать[35].

30 Cassidy H.C. *Op. cit.* P. 13.
31 *Советско-норвежские отношения. 1917–1955. Сборник документов.* М.: ЭЛИА-АРТ-О, 1997. С. 308.
32 К началу войны норвежская и бельгийские миссии представляли правительства в изгнании, находившиеся в Великобритании.
33 Cassidy H.C. *Op. cit.* P. 13.
34 Ibid. P. 14.
35 *Вербальная нота, 3 июня 1941 г.* Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 6. Оп. 3 АВТО. Д. 162. Л. 5.

Но пока одним указывали на дверь, для других ту же дверь распахивали. 7 мая границу со стороны Китая пересек самолет, в котором находились трое американских граждан – супруги Эрскин Колдуэлл и Маргарет Бурк-Уайт, а также Элис-Леон Моатс. 10 мая, после нескольких дней задержки, самолет доставил их из Актюбинска на московский Центральный аэродром, располагавшийся возле стадиона «Динамо»[36]. Они еще не знали, что им предстоит описывать первые месяцы войны в СССР. Если супружеская чета прилетела в официальном статусе журналистов, то Моатс прибыла в Москву как туристка. Многим в России хорошо известны фотографии, которые в 1941 году сделала Бурк-Уайт, но куда меньше известны книги Эрскина Колдуэлла об этом путешествии. В СССР его рассказ «Дорога на Смоленск» был включен в одноименный сборник[37]; по-английски же им были опубликованы несколько книг о военной Москве[38]. Бурк-Уайт ранее уже посещала Советский Союз, но Колдуэлл, желавший попасть в СССР до начала повсеместно ожидаемой войны, здесь еще не был. Супругам удалось увидеть и мирную, и воюющую страну: они провели в России полтора месяца до и три месяца после 22 июня.

Элис-Леон (Алиса) Моатс русскому читателю вовсе не известна. Дочь богатых родителей, Моатс много путешествовала, заводя знакомства в совершенно разных кругах. В 1933 году она выпустила книгу «Приличная девушка не сквернословит»[39], которую сама называла сатирическими советами по этикету для молодых дам, выходящих в свет. Итогом поездки в СССР стала вышедшая в 1943 году книга «Свидание с Марсом вслепую». Отразив жизнь официальной и закулисной Москвы летом и осенью 1941 года, острое перо Моатс не пощадило никого, за исключением разве что самых обычных граждан – если только речь не шла об их манере одеваться.

Путевка в СССР для Моатс оказалась почти шуточным делом. Встретив в нью-йоркском ресторане в июле 1940 года уже знакомого ей посла Штейнгардта, молодая женщина обронила фразу: «Когда вы будете возвращаться в СССР, возьмите меня с собой». Ответ был обтекаемо дипломатичным: «Конечно, всегда ждем в Москве». Мисс Моатс, однако, восприняла его буквально. Через несколько дней она стала корреспондентом журнала «Collier's» с тиражом в три миллиона экземпляров и начала непростой путь в Советский Союз. Получение въездной

36 Caldwell J.E. *Erskine Caldwell, Margaret Bourke-White, and the Popular Front: Photojournalism in Russia*. Athens: University of Georgia Press, 2016. P. 44.

37 *Дорога на Смоленск: американские писатели и журналисты о Великой Отечественной войне советского народа, 1941–1945*. М.: Прогресс, 1985. С. 26–53.

38 Caldwell E. *Moscow under Fire. A Wartime Diary: 1941*. London: Hutchinson, 1942; Idem. *All-out on the Road to Smolensk*. New York: Duell, Sloan and Pearce, 1942.

39 Moats A.-L. *No Nice Girl Swears*. New York: Alfred A. Knopf, 1933.

Илл. 5. Элис-Леон Моатс, снявшаяся в феврале 1943 года для журнала «Town & Country» (© Courtesy of Town & Country, Fernand Fonssagrives. Из коллекции автора).

визы затянулось до апреля 1941 года; за это время она успела побывать в Токио, Шанхае, Сайгоне, Ханое, Сингапуре, Бирме, столице чанкайшистского Китая Чунцине. В конечном счете, она оказалась в одном самолете с Бурк-Уайт и Колдуэллом. Туристка Моатс прожила в СССР до ноября 1941 года, так и не получив пресс-карты, – иначе говоря, в небезопасном статусе, нередко ставившем ее на грань высылки. Англичане считали ее шпионкой, но светская авантюристка лишь отшучивалась, неизменно полагаясь на высокопоставленных друзей.

Впрочем, не все западные журналисты решали свои проблемы с такой легкостью, как Моатс. Невольной жертвой умиротворения Германии стал американский гражданин и корреспондент британской газеты «The News Chronicle» Джон Скотт. Прибыв в 1932 году в СССР, Скотт пять лет проработал на химическом заводе в Магнитогорске. Пройдя пролетарскую закалку, он начал

сотрудничать с иностранными корреспондентами в Москве в качестве секретаря, а с сентября 1940 года стал трудиться на той же ниве самостоятельно[40]. В 1934-м он женился на Марии Дикаревой, которая с 1939 года неоднократно просила «о выходе ее из советского гражданства и о разрешении ей переехать в США, на родину родителей Скотта», вместе с двумя детьми[41].

Весной 1941 года Скотт в обход советской цензуры отправил за рубеж несколько статей, что не осталось не замеченным чиновниками НКИД. В статье «Сталин-умиротворитель» американец истолковывал все внешнеполитические акты СССР как «капитуляцию перед Германией» – докладывал Молотову глава отдела печати НКИД Николай Пальгунов:

> «Скотт оскорбительно отзывается о Красной Армии, утверждая, что ему известна из авторитетного источника "уверенность германского генерального штаба в том, что германская армия могла бы нанести поражение Красной Армии в Одесской области и оккупировать Украину и Кавказ в течение 3–6 недель"».

За такую беспардонную клевету американца было предложено выслать[42]. 4 июня Скотта официально уведомили о правительственном решении, предписывающем ему «покинуть пределы СССР за систематическую антисоветскую клеветническую кампанию». Журналист был ошеломлен – тем более, что выехать ему предлагалось в трехдневный срок. Уезжать без жены и детей он, естественно, не хотел[43]. В тот же день Скотт обратился телеграммой к Сталину: «Конечно, это бесполезно, но я должен попробовать все»[44]. Впрочем, после вмешательства посла Штейнгардта дело разрешилось более или менее благополучно: Скотту дали на сборы не три, а семь дней и позволили взять с собой семейство.

4 июня посол Великобритании Криппс встретился с Вышинским, сообщив ему, что по вызову своего правительства он улетает в Лондон через Стокгольм[45]. Официальной причиной указывалось запланированное ранее посещение стоматолога, однако улетал он не один, а вместе с женой. «Уходя, Криппс имел в виду, что, быть может, это его последний визит в НКИД, поблагодарил меня за внимательное к нему отношение в тече-

40 *Народному Комиссару иностранных дел тов. В.М. Молотову, 27 мая 1941 г.* АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3 АВТО. Д. 57. Л. 197.
41 *Справка о семейном положении корреспондента газеты «Ньюс Кроникл» Джона Скотта, 4 июня 1941 г.* АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3 АВТО. Д. 57. Л. 211.
42 *Народному Комиссару иностранных дел тов. В.М. Молотову, 27 мая 1941 г.*
43 *Дневник и.о. зав. отделом печати Н. Пальгунова, 4 июня 1941 г.* АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3 АВТО. Д. 58. Л. 120.
44 Moats A.-L. *Blind Date with Mars*. P. 212.
45 *Беседа первого заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом Великобритании в СССР С. Криппсом, 5 июня 1941 года // 1941 год: В 2 кн.* / Сост. Л.Е. Решин и др., под ред. В.П. Наумова. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. Кн. 2. С. 314.

ние всего "бесплодного" года его пребывания в Москве. Я пожелал Криппсу счастливого пути», – записал в своем дневнике Вышинский[46]. Криппс просил сохранить его отъезд в тайне, так как перелет из Стокгольма в Лондон был довольно рискованным делом[47]. В тот же день посол СССР в Великобритании Иван Майский пригласил в советскую миссию Уолтера Монктона – на тот момент генерального директора министерства информации и заместителя государственного секретаря по иностранным делам – и выразил ему неудовольствие возвращением Криппса вместе с женой и дочерью[48]. Дочь дипломата Пегги Криппс на тот момент еще оставалась в Москве, но уже паковала вещи.

Немецкие дипломаты в июне не только не скрывали, что война скоро начнется, но и охотно делились «точными» датами ее начала. Правда, в дипломатических кругах их словам не очень доверяли. Так, во время приема в итальянском представительстве советник германского посольства Гебхарт фон Вальтер дружески предупредил Моатс, что война начнется 17 июня[49]. В это же время посол Италии размышлял, не стоит ли его жене-американке остаться пока в Японии и не возвращаться в СССР, подождав, как будут развиваться события. Кстати, его линия в этом вопросе оказалась весьма мудрой: вечером 19 июня он официально отправил женщин и детей дипломатов, а также журналиста Сандро Вольта на Белорусский вокзал. Вольта приехал в Россию в мае, чтобы освещать войну между Германией и СССР, но в итоге оказался в «последнем поезде из Москвы», о чем в 1943 году написал одноименную книгу[50]. Самого Россо вместе с оставшимися итальянцами интернируют спустя месяц, 17 июля, через советско-турецкую границу[51].

Французы-вишисты вновь пребывали в задумчивости: у них вовсю шел ремонт. Только в 1938 году посольство Франции получило новое здание: это был роскошный особняк купца Николая Игумнова на Якиманке (прежде там находился Институт мозга). После того, как в конце апреля 1941 года в советскую столицу прибыл посол Гастон Бержери, работы в посольстве

46 Там же.

47 Elvin H. *A Cockney in Moscow*. London: Cresset Press, 1958. P. 44. Полет из Швеции в Шотландию проходил над норвежской территорией, оккупированной немцами; поэтому летать в 1940–1941 годах приходилось на бомбардировщиках, в том числе и в бомбовых отсеках, которые выкладывали войлоком. Из-за больших высот пассажирам приходилось пользоваться кислородными масками. Возможно, если бы немцы узнали о планируемом полете Криппса, они попытались бы сбить его: именно поэтому посол попросил держать его полет в секрете. Вышинский тем не менее сразу сообщил об этом Майскому.

48 Gorodetsky G. *Stafford Cripps in Moscow 1940–1942. Diaries and Papers*. London; Portland: Vallentine Mitchell, 2007. P. 108.

49 Гебхарт фон Вальтер (1902–1982) считался куратором немецкой шпионской работы в СССР; кроме того, есть авторы – например, Теодор Гладков в книге «Спецагент № 1. Неизвестный Николай Кузнецов» (М.: Алгоритм, 2017), – утверждающие, что одновременно он был агентом американской разведки. В 1966–1968 годах фон Вальтер работал послом ФРГ в СССР.

50 Volta S. *Ultimo treno da Mosca*. Milano: Rizzoli, 1943.

51 Borghese D. et al. *L'Ambasciata d'Italia a Mosca: Villa Berg*. Torino: Umberto Allemandi, 2012. P. 83.

Илл. 6. Аугусто Россо (слева), итальянский посол в США и Альберто Маркетти ди Муриальо, итальянский посол в Мексике, Вашингтон, 8 октября 1935 года. Уже через год Россо в компании любимой собаки окажется в Москве (© Library of Congress Prints and Photographs Division Washington, D.C., Harris & Ewing Photograph Collection).

развернулись на полную мощь. Ремонтом руководила супруга посла – в прошлом американо-французская модель Беттина Джонс, работавшая в Париже с модельером Эльзой Скиапарелли и вдохновлявшая самого Сальвадора Дали. Мадам Бержери страстно хотелось поскорее включиться в светскую жизнь Москвы. Мебель для французов поступала из Швеции через Ленинград, где за ее дальнейшей отправкой должен был следить настоятель храма Девы Марии Лурдской, отец Флоран[52]. Последнее распоряжение по переправке мебели пришло ему 24 июня, а через пять дней, 29 июня, Бержери пришлось известить Вышинского, что правительство Виши решило расторгнуть дипломатические отношения с СССР. В конце беседы посол попросил оставить для охраны имущества кого-то из французов, но не получил на это разрешения[53]. После отъезда посольства за зданием присматривала дипломатическая миссия Турции – страны, в которую Бержери впоследствии назначили послом.

Последняя посольская вечеринка – в честь отъезда грека Диамантопулоса и его жены – прошла 18 июня на американской даче в Немчиновке. На следующий день фон Вальтер, только что прибывший из немецкой столицы, извинился перед Моатс

52 Moats A.-L. *Blind Date with Mars*. P. 308.

53 *Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942. Т. XXIV* / Под ред. Е.П. Гусарова и др. М.: Международные отношения, 2000. С. 72–73.

Илл. 7. Гастон Бержери, будущий посол режима Виши в СССР, Париж, 1938 год (© Yale University, Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Bettina Bergery and Gaston Bergery Papers, Box 3).

за то, что ввел ее в заблуждение относительно начала войны, и сказал, что теперь она точно начнется 21-го числа. Разумеется, ему вновь никто не поверил. Однако после получения известия о том, что любимый боксер фон Вальтера вывезен самолетом в Берлин – это было сочтено «опасным сигналом», – американское и британское посольства начали эвакуацию женщин[54]. Чарльз Тейер вспоминал:

> «Нам все-таки удалось усадить леди в самолеты, взявшие курс на Швецию и Персию, и вечером 21 июня все они уже были за пределами страны. И тогда мы “раздавили” бутылку шампанского и пошли спать, а когда проснулись, то обнаружили, что Россия вступила в войну»[55].

54 Cassidy H.C. *Op. cit.* P. 57–58.
55 Тейер Ч. *Указ. соч.* С. 240.

Большая сортировка

Около шести утра фон Вальтер нанес визит американскому послу и сообщил, что война, о которой он так долго говорил, началась. Наконец, у Лоуренса Штейнгардта появилась возможность доказать, что палатки и прочие припасы заготавливались не зря. За считанный час здание посольства на Моховой практически опустело: основной персонал переместили в Тарасовку, а одиннадцать клерков посадили на поезд, отправлявшийся во Владивосток. О Моатс посол не вспомнил, но ее разбудил в девять утра Джон Рассел из посольства Великобритании, который позвонил с рекомендацией срочно покинуть «Метрополь». Она сразу же начала собирать чемодан и к моменту выступления по радио Молотова, объявлявшего о нападении Германии, была готова к переезду.

Ситуация, таким образом, решительно изменилась. Сталину срочно понадобились друзья, и теперь его дипломаты пытались выказать свое расположение капиталистическим странам. О готовности оказать помощь в случае нападения Германии британский министр иностранных дел Иден говорил послу СССР Майскому еще до начала войны[56]. Вечером это подтвердил в своей речи по радио и Уинстон Черчилль[57]. Уже на второй день войны начались обсуждения технических моментов приезда английской миссии в СССР[58], а 27 июня Криппса и руководителей миссии уже принимал в Кремле Молотов. Вездесущая Моатс смогла выведать необычные подробности этого визита. Во время перелета в СССР часть летного экипажа вынужденно заменили членами миссии, и им пришлось по очереди побывать в пулеметной турели; единственным, кто знал, как она работает, оказался шоколадный магнат Лоуренс Кэдбери, глава экономической миссии, – но воспользоваться этими знаниями ему, к счастью, не пришлось. А на прием у Молотова, где все были при параде, генерал Мэйсон Макфарлайн пришел в шортах цвета хаки.

Когда англичане или американцы входили в «Коктейль-холл» или ресторан «Арагви», тамошние оркестры начинали играть популярную британскую песенку «Типперери». Филипп Джордан, прибывший в СССР в качестве специального корреспондента «The News Chronicle» в середине июля, задавался вопросом, исполняет ли оркестр лондонского отеля «Савой» «Интернационал», когда в ресторан заходит корреспондент ТАСС[59]. Между тем,

56 *Прием английского поверенного в делах СССР Баггалея, 22 июня 1941 г.* АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3 АВТО. Д. 29. Л. 60.
57 *1941: документы и материалы. К 70-летию начала Великой Отечественной войны: В 2 т.* / Под ред. А.В. Исаева и др. СПб.: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2011. Т. 2. С. 422.
58 *Прием английского поверенного в делах СССР Баггалея, 24 июня 1941 г.* АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3 АВТО. Д. 29. Л. 64.
59 Jordan P. *Russian Glory*. London: Cresset Press, 1942. P. 161.

пользуясь советским благорасположением, Москву покидали те члены семей находящихся на службе иностранцев, кто прежде был лишен возможности уехать. 17 июля на поезд до Владивостока сели жены американских корреспондентов Роберта Магидова и Германа Хабихта[60]; ранее этим дамам отказывали в выездных визах, а жена Хабихта и вовсе побывала под арестом[61].

Кризис тем временем ширился, и коммунистическим властям срочно требовался какой-то особо выразительный жест, демонстрирующий всю серьезность намерений в отношении потенциальных союзников. Именно тогда Советский Союз решил освободить из заключения несколько десятков англичан и французов, бежавших из немецкого плена. Дело в том, что и до начала войны через территорию СССР иногда пытались пробраться западные военные, кому посчастливилось бежать из немецких лагерей военнопленных в Западной Европе и добраться до Швеции. Там эти люди при посредничестве США или Великобритании получали транзитные советские визы, поскольку из Стокгольма в 1940–1941 годах можно было отправиться только в СССР: все остальные маршруты блокировали немцы. Некоторым французам право проезда через советские земли предоставлялось в обмен на обещание присоединиться к подразделениям «Свободной Франции» Шарля де Голля, например, в Сирии. (Впрочем, злые языки утверждали, что позже такие беглецы оказывались в основном на территории, контролируемой режимом Виши.) Но при этом на советской земле надолго задерживались представители второй, менее удачливой, группы беглых пленных, которые с помощью польского Сопротивления пробирались к германо-советской границе не с севера, а с востока. Этот рубеж был под многопудовым замком: вдоль него тянулись два ряда колючей проволоки – немецкая, которую регулярно, раз в десять минут, проверял патруль, и советская, которая охранялась «секретами» пограничников. Люди, сумевшие преодолеть немецкую сторону незамеченными, на советской стороне зачастую попадали под обстрел «зеленых фуражек». Некоторые из них погибали, но и выжившим приходилось не сладко: на советской территории их арестовывали – именно эту группу теперь и решили освободить. Поначалу беглецов собирали в Бутырской тюрьме в Москве, а с февраля 1941 года переводили в Козельский лагерь НКВД, где они содержались в полной изоляции от «поляков и местного населения»[62].

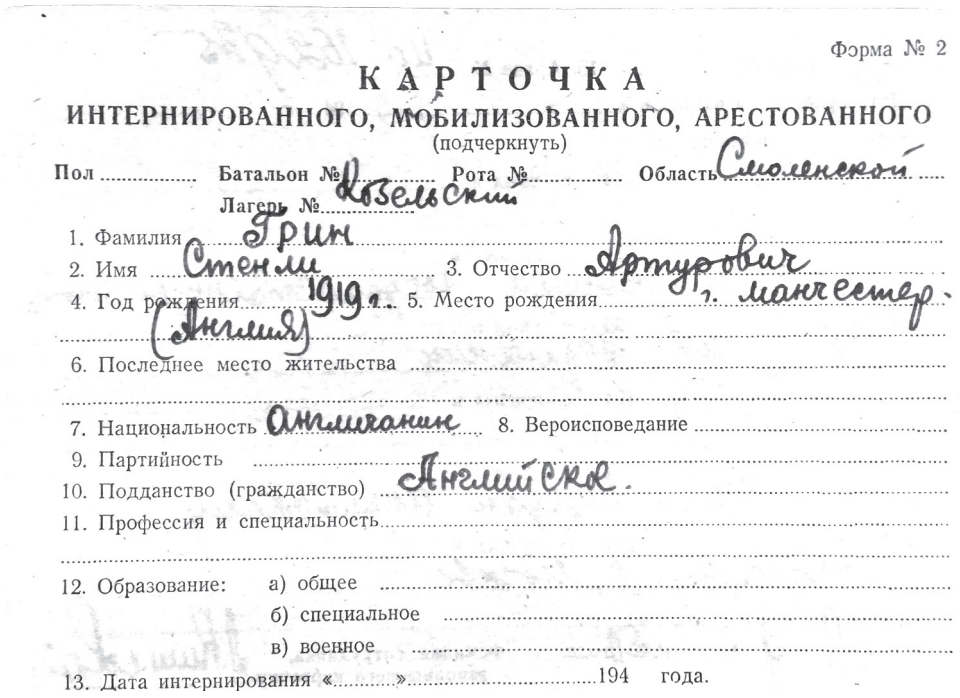
60 Cassidy H.C. *Op. cit.* P. 87.

61 *Документы внешней политики: 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII: В 2 кн.* / Под ред. Г.Э. Мамедова и др. М.: Международные отношения, 1998. Кн. 2. Ч. 2 («2 марта – 22 июня 1941 г.»). С. 407.

62 *Указание о содержании интернированных – англичан и французов, 21 января 1941 г.* Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1/п. Оп. 5-е. Д. 9. Л. 1–2; *Докладная записка. 10 февраля 1941 г.* РГВА. Ф. 1/п. Оп. 5-е. Д. 9. Л. 6. Документы предоставлены Сергеем Зенковым.

Это было место с мрачной историей: до беглых западных военных там квартировали польские старшие офицеры и генералы, к тому моменту уже лежавшие в Катыни. (В 1941 году, однако, тут еще оставались польские низшие чины и полицейские, интернированные в 1939-м Литвой и попавшие в руки НКВД только накануне войны.) Интернированные англичане, французы и бельгийцы, всего 44 человека, содержались в хороших условиях. У них был биллиард, они могли играть в волейбол, баскетбол или шахматы[63]. Соответствующие посольства вообще не знали об их существовании, а с началом войны Козельский лагерь эвакуировали в глубь страны, переведя его в Вологодскую область. Прямо накануне этой эвакуации конвой, прибывший из Москвы, забрал и увез британских граждан, а 9 июля по распоряжению Вышинского четырнадцать англичан официально были переданы представителям английского посольства[64]. Возвращение, впрочем, коснулось не всех: в ходе следствия у органов возникли какие-то дополнительные вопросы к нескольким беглецам – и их освободили только в августе, после неоднократных требований посла Великобритании. В прессе историю было решено не освещать.

Илл. 8. Учетная карточка бежавшего из немецкого плена англичанина Стэнли Грина, задержанного на советской границе в октябре 1940 года (© Российский государственный военный архив).



Форма № 2

КАРТОЧКА
ИНТЕРНИРОВАННОГО, МОБИЛИЗОВАННОГО, АРЕСТОВАННОГО
(подчеркнуть)

Пол ..... Батальон № ..... Рота № ..... Область Смоленской
Лагерь № Козельский

1. Фамилия Грин
2. Имя Стенли 3. Отчество Артурович
4. Год рождения 1919 г. 5. Место рождения г. Манчестер. (Англия)
6. Последнее место жительства
7. Национальность Англичанин 8. Вероисповедание
9. Партийность
10. Подданство (гражданство) Английское.
11. Профессия и специальность
12. Образование: а) общее
б) специальное
в) военное
13. Дата интернирования «.....».....194 года.

63 *Докладная записка о политико-моральном состоянии интернированных, 28 апреля 1941 г.* РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6-в. Д. 9. Л. 40; *Докладная записка о политико-моральном состоянии интернированных, 27 мая 1941 г.* РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6-в. Д. 9. Л. 67.

64 *Справка, 9 июля 1941 г.* РГВА. Ф. 1/п. Оп. 5-е. Д. 9. Л. 204.

Довольно скоро подошел черед уезжать представителям тех стран, которые оказались в состоянии войны с СССР. Первыми заперли в стенах посольства дипломатов и граждан Германии, которых позже вывезли в окрестности Костромы, где они дожидались отправки в Турцию. В отличие от немцев, послы Румынии и Италии не получили никаких инструкций и буквально надоедали Вышинскому – им-то, мол, что делать? Французы же после объявления о разрыве дипломатических отношений с СССР оказались изолированными в своем недоделанном особняке на Якиманке. Сотрудник британского посольства Гарольд Элвин, проезжавший мимо на троллейбусе, увидел их во дворе миссии: чуть ли не прижимаясь лицами к чугунной ограде, они молча взирали на недосягаемую летнюю Москву[65]. Из посольства удалось вырваться только священнику Леопольду Брауну и журналисту агентства «Havas» Жану Шампенуа. Священник был американским гражданином, но в силу традиции жил на территории французского посольства. Он заранее предвидел неприятности и поэтому перевез часть своих вещей в пустующую квартиру американского военного атташе, а личный автомобиль вывел «из-за ограды посольства и поставил на улице рядом с церковью Иоанна Воина напротив посольства»[66]. Однако Брауну все-таки пришлось провести три дня взаперти вместе с французами, после чего он был вывезен из посольства сотрудниками НКВД – без права вернуться назад.

С Шампенуа все складывалось еще более причудливо. Когда Бержери объявил о разрыве отношений с СССР, Шампенуа вышел из строя и сказал: «Я перехожу на сторону русских». «Тогда вы должны покинуть посольство», – заявил ему посол. «Я давно был должен сделать это», – выкрикнул в ответ журналист и хлопнул дверью. В итоге Шампенуа надолго остался в Москве. Он подружился с Ильей Эренбургом, который писал о французе следующее:

> «После войны он попробовал вернуться на родину, но оказалось, что он привязался к Москве. Он умеет по-русски выпить, по-русски проговорить полночи обо всем и ни о чем, о вздоре и о самом главном. Это человек, лишенный и честолюбия, и житейской смекалки, в минуту душевной нежности он балагурит или ругается, пишет стихи – для себя, нигде их не печатает»[67].

Француз проработал в издательстве «Прогресс», занимаясь переводами с русского на французский, вплоть до 1980-х.

Первое время к французам пускали гостей из других посольств, но вскоре это прекратилось. Возможно, последними

65 Elvin H. *Op. cit.* P. 94.
66 Осипова И.И. *Указ. соч.* С. 355.
67 Эренбург И.Г. *Люди, годы, жизнь: том второй.* М.: Советский писатель, 1990. С. 331.

посетителями стали англичане Гарольд Элвин и его коллега, зашедшие проведать оказавшихся в заточении. Когда они душевно общались во дворе посольства, пронеслась весть, что доступ на территорию миссии вот-вот закроют наглухо:

> «Французы напали на нас со всех сторон, умоляя вернуть "в мир живых" одолженные ранее вещи, книги и деньги. Мне вручили "Семь столпов мудрости" для Джона Рассела, "Ночи Декамерона" для китайского военного корреспондента, безделушки для девушки из Москвы, 15 тысяч рублей для друзей от друзей, мелкие долги и 10 тысяч рублей для шведского дипломата, который должен был сохранить их для какого-то француза. Мы вышли из посольства с раздувшимися карманами»[68].

Территория посольства опустела в конце июля, когда французов отвезли на Курский вокзал, чтобы отправить в Турцию для обмена на советских дипломатов.

> «Накануне их отъезда произошла ужасная трагедия. Две дамы, жены французских дипломатов, ехали по железной дороге в Иран во время разрыва дипломатических отношений между Виши и Москвой. Их обеих прямо в поезде арестовали агенты НКВД и доставили под конвоем в столицу, их личные вещи тщательно досматривали. Один из агентов решил взять что-то из этих вещей, сказав, что это подойдет его жене. Одна из дам от этой реплики впала в состояние аффекта и потеряла рассудок, в ночь перед запланированной эвакуацией она выпрыгнула с третьего этажа дома, переломав все кости».

Мужу несчастной позволили остаться в Москве в посольстве под охраной, а его жена провела два месяца в больнице и скончалась в начале октября 1941 года. Отпевание и погребение провел отец Браун. Вдовец прибыл на траурную церемонию под конвоем НКВД[69].

Места высланных и высылаемых стали занимать вновь прибывающие дипломаты, офицеры военных миссий и новые журналисты. Одним из первых в военную Москву прилетел британский журналист Александр Верт. Он родился в Санкт-Петербурге в семье, по его собственным словам, «конструктивного буржуя и пионера промышленного развития России» из Прибалтики и англичанки. В 16 лет он стал свидетелем февральской революции, потом бегал слушать Ленина ко дворцу Кшесинской, интересовался политическими переменами, собирал подшивки газет, но потом отец решил «на время» вывезти его и его брата в Англию. Временный отъезд затянулся на 24 года, в течение которых Верт превратился в журналиста

68 Elvin H. *Op. cit.* P. 73.
69 Осипова И.И. *Указ. соч.* С. 361.

левых взглядов. Его убеждения, однако, не считались достаточным основанием для выдачи советской визы: лишь начало войны и резкое потепление отношений с Великобританией позволили ему посетить родину. Верт прибыл, намереваясь занять должность пресс-секретаря посольства Великобритании, но место уже было занято Альфредом Торнтоном Чолертоном[70]. Оказавшись в советской столице и приступив к работе на агентство «Reuters», Верт начал энергично агитировать за то, чтобы США вступили в войну, и на этой почве имел несколько стычек с американскими журналистами. В начале октября он вернулся в Лондон, где выпустил очень хорошую книгу «Москва 41»[71], написанную в виде дневника и никогда не издававшуюся в СССР в изначальном виде. Позже он вновь приехал в СССР, в 1943-м добившись разрешения посетить блокадный Ленинград. Его работы «Ленинград» и «Сталинград» в 1960-е были переработаны в книгу «Россия в войне. 1941–1945», которая в 1964-м вышла по-английски, а в 1967 году – по-русски[72]. Через полтора года Александр Верт покончил с собой в Париже: левый идеалист не смог понять и принять ввода советских войск в Чехословакию.

Московский *Blitz*

Вместе с Вертом в Москву прилетел подполковник Гай Саймондс – военный инженер, доставивший свое свежеиспеченное изобретение, родившееся во время недавних налетов на Лондон: портативный насос для тушения зажигательных бомб. Еще одним прибывшим в советскую столицу британцем оказался полковник Кроуд, специалист по сооружению убежищ. Британцы и американцы не сомневались, что Москва с первых дней окажется мишенью для бомбардировщиков люфтваффе и что здесь будет такой же *Blitz*[73], как и у них на острове. По этой причине посольство США было эвакуировано из центра на дачу; но в Тарасовку уехали не все – часть сотрудников перебрались в Спасо-хаус на Арбате, который, как считали, был безопасен, поскольку находился далеко от Кремля. Англичане распределились между Перловкой и «Старым домом»[74] на улице Воровского, где были оборудованы простейшие укры-

70 *Прием советника английского посольства Баггалея, 28 июня 1941 г.* АВП РФ. Ф. 69. Оп. 2. Д. 4. П. 70. Л. 51.
71 Werth A. *Moscow '41*. London: Hamish Hamilton, 1942.
72 Верт А. *Россия в войне. 1941–1945*. М.: Прогресс, 1967.
73 «Блицем» англичане называли период массированных немецких бомбардировок Великобритании – главным образом Лондона, – продолжавшийся с сентября 1940-го по май 1941-го, когда страна в одиночку противостояла в Европе Гитлеру.
74 «Старый дом» (ныне Поварская, 46) – здание, в котором первоначально располагалось посольство Великобритании; позже в нем находились консульство и военная миссия. В настоящее время в нем расположена резиденция посла ФРГ.

тия. Постояльцам гостиниц «Метрополь» и «Националь» предписывалось пережидать налеты в подвалах. Те же дипломаты, которые жили на квартирах, как и все граждане, должны были соблюдать правила светомаскировки, наглухо занавешивая окна. Верт как-то зашел в квартиру Чолертона на верхнем, пятом, этаже дома по Малому Левшинскому переулку – там царила такая кромешная тьма, что он так и не смог понять, как же выглядит квартира внутри[75].

Илл. 9. Центр Москвы в объективе люфтваффе (© National Archives and Records Administration Washington, D.C.).

Действительно, первая воздушная тревога в Москве была объявлена в ночь с 23-го на 24 июня. За вражеские бомбардировщики были приняты свои транспортные самолеты, возвращавшиеся на аэродром во Внуково. В 2 часа 40 минут средства ПВО привели в боевую готовность, а через двенадцать минут над столицей впервые завыли сирены. В воздух были подняты

75 Werth A. *Op. cit.* P. 29.

истребители, а зенитные орудия открыли огонь; отражение налета продолжалось целый час[76]. Позже тревога была объявлена учебной. Корреспондент агентства «United Press International» Генри Шапиро[77] пытался отправить корреспонденцию, в которой ночное событие было названо «инсценировкой воздушного налета» – *mock air-raid*. Полистав словарь, цензор обнаружил, что одним из значений *mock* является «насмешка», и вычеркнул обидное слово синим карандашом; он был уверен, что Шапиро издевается над защитниками Москвы[78].

Первая воздушная тревога в Москве была объявлена в ночь с 23-го на 24 июня. За вражеские бомбардировщики были приняты свои транспортные самолеты, возвращавшиеся на аэродром во Внуково. В воздух были подняты истребители, а зенитные орудия открыли огонь; отражение налета продолжалось целый час.

Британцы были убеждены, что их опыт борьбы с массированными германскими бомбардировками окажется востребован в Москве, однако советские власти встретили их рекомендации скептически. Развернулась большая дискуссия о том, как следует тушить зажигательные бомбы. Верт опубликовал в «Известиях» материал, в котором предупреждал, что «зажигалки» нельзя просто поливать водой – их следует либо засыпать песком, либо обрызгивать из мобильных насосов-пульверизаторов. «Поливать бомбу не только опасно (может последовать взрыв), но и совершенно бесполезно», – писал он[79]. Опыт по тушению пожаров, которым пытался делиться полковник Саймондс, был воспринят советской стороной как «теория, нуждающаяся в проверке». Не найдя понимания у новых союзников, британский практик покинул Москву в середине августа[80]. С Вертом на страницах «Известий» дискутировал воентехник Зуев, доказывавший, что «зажигалку» все-таки можно потушить «сплошной струей воды, подаваемой гидропульт-ведром, внутренним пожарным краном или насосом»[81].

76 Воронин А.Б. *Москва 1941*. М.: Пятый Рим. 2016. С. 148–149.
77 Генри Шапиро (1906–1991) с 1937-го по 1972 год работал корреспондентом «United Press International» в Москве, освещал Большой террор, Сталинградскую битву, первым сообщил о смерти Сталина, интервьюировал Хрущева и Брежнева. Именно с ним связывают крылатую фразу «Два мира – два Шапиро».
78 Moats A.-L. *Blind Date with Mars*. P. 240.
79 *Опыт Лондона (Интервью с английским журналистом г. Верт)* // Известия. 1941. 10 июля. № 161. С. 4.
80 Werth A. *Op. cit.* P. 71, 134.
81 *Борьба с зажигательными бомбами* // Известия. 1941. 12 июля. № 163. С. 4.

Через месяц начались по-настоящему страшные массированные налеты. В один из первых таких дней Генри Кэссиди решил переждать бомбардировку в Спасо-хаусе, хотя там и не было настоящего убежища: окна полуподвала просто закрыли мешками с песком. Американцев в резиденции почти не осталось, все перебрались в Тарасовку, но в ту ночь в здании ночевали отец Браун и Генри Шапиро. Еще несколько сотрудников из числа местных остались дежурить, готовые сбрасывать «зажигалки» с крыши. Расположившись на кушетках, американцы уснули. Ночью их разбудил ужасный грохот. Спавший у окна отец Браун был засыпан осколками и землей, но не пострадал. Оказалось, что бомба попала в расположенный неподалеку театр Вахтангова, почти полностью его разрушив. Здание резиденции устояло, но на первом этаже вышибло все стекла, а осколки посекли занавески и стены. Маргарет Бурк-Уайт, заснявшая налет с крыши посольства и оставшаяся невредимой, потом писала:

> «Не знаю, почему я поняла, что бомба уже на подлете. Не было ни звука, ни света, было какое-то сжатие в атмосфере, которое заставило меня двигаться как можно быстрее. Это были доли секунды, казавшиеся минутами: я успела взять камеру, влезть в окно кабинета посла, положить камеру на ковер в дальнем углу и улечься рядом с ней. Осколки стекла дождем обрушились на меня»[82].

Илл. 10. Советские девушки учатся засыпать «зажигалку» песком; именно этот способ рекомендовал Александр Верт. Лето–осень 1941 года (© Мультимедиа арт Музей, Москва / Московский дом фотографии. Фотография Сергея Васина).

82 Bourke-White M. *Op. cit.* P. 89–90.

Пережитое в ту ночь не отбило у Бурк-Уайт охоту снимать с крыш. Самой известной серией снимков ночного налета на Москву стала ее съемка, производимая с крыши посольства Великобритании. Здесь она находилась вместе с мужем. Колдуэлл вспоминал:

> «Я думал, что в любую секунду начнут падать фугасные бомбы, но вместо этого раздался звук, как будто кто-то высыпает бобы из окна второго этажа в деревянную бочку. Это был шум падающих с неба тысяч зажигательных бомб»[83].

Англичане самостоятельно тушили «зажигалки», а Колдуэлл помогал им в этом со своим шофером Александром, который в тот момент перешел исключительно на русский язык. Ориентируясь на вспыхнувшие в городе пожары, следующая волна бомбардировщиков сбрасывала уже фугасные бомбы. Немецкую авиацию встречал массированный огонь зенитной артиллерии.

Весь этот огненный ад, который пугал американцев, британцами воспринимался довольно спокойно. Верт оценил московский *Blitz* как «средненький» по лондонской шкале. Многие «западники» считали, что налеты на Лондон были гораздо более разрушительными, а московские зенитки зачастую стреляют без всякого смысла. Вряд ли это было справедливой оценкой: действительно, в налетах на Лондон участвовало больше самолетов, однако и московская противовоздушная оборона 1941 года была самой мощной в мире. Часть бомбардировщиков перехватывалась еще на подходе к городу, а заградительный огонь зенитных орудий выстраивался по весьма действенным математическим моделям. Иностранные летчики, оказавшиеся тогда в Москве, оценивали уровень работы советской ПВО очень высоко. Американец Джон Алисон, прибывший для обучения советских пилотов полетам на самолетах P-40 «Томагавк», приобретенных в США еще до «ленд-лиза», говорил Кэссиди, что «никогда не видел такого плотного зенитного огня и такого количества прожекторов»[84].

Для иностранных корреспондентов были выделены две комнатки в подвале «Нарка» – так они называли НКИД, – где можно было получить сводки о прошедшем налете, написать заметку и сразу завизировать ее у цензоров. Со временем журналисты все чаще предпочитали оставаться дома. Кэссиди провел одну из ночей на станции «Дворец Советов» (ныне «Кропоткинская»). Он зашел туда вместе с Джорданом, чтобы написать репортаж о том, как москвичи пережидают бомбардировки в метро. «Никогда еще я не видел людей такими

83 Caldwell E. *Moscow under Fire*. P. 114.
84 Cassidy H.C. *Op. cit.* P. 100.

терпеливыми и такими спокойными в ситуации, когда вокруг них дрались и умирали другие», – записал он[85]. Как и многие, Кэссиди, усевшись на рельсы, уснул; в его памяти остались два бесконечных ряда людей, сидевших на путях на всем перегоне от одной станции до другой.

Еще до объявления воздушной тревоги на станцию «Маяковская» вместе с женщинами и детьми спускался болгарский посланник Иван Стаменов. Для него было зарезервировано купе в специально подгоняемом на станцию «дипломатическом» вагоне. Подобным же образом на станции «Парк Культуры» устроился посол Швеции Вильгельм Ассарсон. Остальные высокопоставленные дипломаты предпочитали вечерами уезжать на дачи; а посол Ирана, например, приютил у себя в Болшеве посла Турции. В связи с окончанием дачного сезона исполняющий обязанности заведующего протокольным отделом НКИД Федор Молочков предлагал обеспечить дипкорпус надежным убежищем в гостинице «Москва». В посольстве Великобритании на Софийской набережной убежище было оборудовано согласно указаниям британской военной миссии, и там обычно ночевал сам посол. Сами же члены военной делегации во время налетов устраивались на ночевку в «Старом доме»[86].

В сентябре 1941 года началась подготовка к Московской конференции – трехсторонней встрече представителей Великобритании, США и СССР, – на которой предстояло обсудить конкретную помощь СССР вооружением и дефицитными материалами в обмен на сырье. Делегацию Великобритании возглавлял лорд Бивербрук, а делегацию США – Аверелл Гарриман, давний друг семьи Моатс[87]. Для участников подготовили убежище на станции «Площадь Революции», в одном из помещений которой были расстелены ковры, взятые временно из «Метрополя», расставлены столики, кресла и электрические обогреватели[88].

Шуба из собаки

Несмотря на нарушенный во всех смыслах ритм жизни, иностранцы и после 22 июня оставались группкой, имевшей доступ к немалому количеству привилегий. Особую остроту в их восприятие московской жизни добавляли купля и продажа редких товаров, местная еда и причуды валютного курса.

85 Ibid. P. 97.
86 *На дипломатических фронтах. 1941–1945* / Под ред. О.В. Сухаревой. М.: Кучково поле, 2020. С. 72–73.
87 Узнав, что в Москву приезжает Гарриман, Моатс немедленно отбила в Вашингтон телеграмму на его имя: «Не могли бы вы привезти мне чулки и помаду? Не просила бы об этом, но я босая и с бледными губами». Американский посланник исполнил ее просьбу (Moats A.-L. *Blind Date with Mars*. P. 390).
88 Haldane C. *Russian Newsreel*. London: Secker and Warburg, 1942. P. 167; Moats A.-L. *Blind Date with Mars*. P. 399.

«Шоппинг в Москве – всегда приключение. Как и большинство приключений, он может завершиться успехом или неудачей. Результат зависит от разных факторов: необходимо знать, где, когда и как охотиться, плюс удача или, напротив, ее отсутствие. Все это больше походило на охоту за сокровищами, чем на банальный поход по магазинам, когда выбранные товары просто обмениваются на деньги»[89].

Так описала советскую торговлю британская журналистка, коммунистка и феминистка Шарлотта Холдейн. Вне зависимости от того, любил ли иностранец исследовать прилавки или ненавидел, московская торговля советского периода неизменно поворачивалась к нему спиной. Причем зачастую так получалось буквально: продавцы не только не помогали с выбором товаров, но нарочито игнорировали едва изъяснявшихся по-русски заморских покупателей.

Цены на товары весьма посредственного качества были заоблачные. Даже поборник советского строя Александр Верт с огорчением обнаружил, что обычные башмаки, которые в Лондоне можно приобрести за 25 шиллингов, в Москве обошлись бы ему в 5 фунтов (100 шиллингов) – то есть в 250 рублей. Неплохого качества рубашки стоили 100 рублей, а на приличном костюме висела бирка в 1000 рублей. Галстуки были, будто их завезли из дешевых магазинов сети «Woolworth», но зато стоили, как дорогие вещи с Бонд-стрит[90]. Отремонтировать в советской столице пару обуви было столь же сложно, как и починить автомобиль. Верту был порекомендован *chastnik*, который взялся за 100 рублей поменять подошву на его ботинках[91]. Если бы англичанин действовал по официальным каналам, то эта простейшая процедура заняла бы у него несколько недель.

Обменных курсов летом 1941 года было целых три – или даже четыре, если учитывать черный рынок. Если официальный курс составлял 5 рублей 30 копеек за доллар, то специальный курс Внешторгбанка был установлен на уровне 12 рублей за тот же доллар. Вдобавок имелся еще и так называемый «компенсационный» курс: при его применении лицам, обменивающим валюту, доплачивали за каждый доллар еще 5 рублей 40 копеек (то есть, доллар стоил 17 рублей 40 копеек). Субъектами первого курса были туристы, второго – постоянно работающие в России иностранцы, включая журналистов, третьего – дипломаты и сотрудники посольств. Что касается британского фунта, то за него официально давали 25 рублей, специально – 48 рублей, компенсационно – 100 рублей[92]. На

89 Haldane C. *Russian Newsreel*. P. 38.
90 Werth A. *Op. cit.* P. 160.
91 Ibid. P. 148.
92 Jordan P. *Op. cit.* P. 80.

черном рынке доллары можно было сдать по 18 рублей за штуку, чуть выше компенсационного курса. Специальный курс был установлен еще весной 1941 года в результате переговоров Молотова и дуайена Шуленбурга; посольства просили о более выгодном соотношении, но Молотов не поддался на уговоры[93]. Ранее посольства меняли валюту на рубли за рубежом, на тамошнем черном банковском рынке, получая в среднем по 30 рублей за доллар, но потом эти возможности стали сокращаться, а советская сторона прозрачно намекала, что более не потерпит ввоза рублей дипкурьерами[94]. Пришлось выходить из тени. В итоге Бурк-Уайт и Колдуэлл меняли свои доллары по 5 рублей 30 копеек, а номер в «Национале» с двухразовым питанием обходился им еженедельно в 500 долларов (2500–2600 рублей)[95]. Причем Колдуэлл не пожелал связываться с черным рынком, где ему предлагали покупку долларов по 15 рублей за штуку[96]. Моатс же, напротив, через друзей сдавала американскую валюту по 18 рублей. Александр Верт менял фунт по 48 (в воспоминаниях округлял до 50)[97], а служащий посольства Гарольд Элвин – по 100[98].

До войны московские иностранцы предпочитали приобретать все за границей, причем необязательно в Лондоне или Нью-Йорке: можно было «отовариваться» в Бухаресте, Варшаве, Риге или Стокгольме. К лету 1941 года в этом списке остался лишь Стокгольм:

> «После “присоединения” стран Балтии к Советскому Союзу последовал бум покупок в Риге и Таллине: многие советские граждан нашли повод посетить эти города, в больших количествах закупая при этом платья, обувь и сумки»[99].

Из Риги, где делал посадку рейс «Аэрофлота», летевший в Стокгольм, завозили и продукты, которых не было в СССР. Рижские поставки продолжались до самого начала войны. Отобедав в Спасо-хаусе сразу по приезде, Моатс похвалила еду. «Это специально для вас, – ответил Штейнгардт. – Вы не представляете, как здесь сложно достать продукты. Практически все, что мы едим, привозят из Риги». Правда, Моатс, прогулявшись по улице Горького, обнаружила, что магазины отнюдь не пусты; в продаже имелись сыр, масло, мясные и рыбные дели-

93 *Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII: В 2 кн.* / Под ред. Г.Э. Мамедова. М.: Международные отношения, 1998. Кн. 2. Ч. 1 («1 ноября 1940 – 1 марта 1941»). С. 435–436.
94 Axton M.F. et al. (Eds.). *Op. cit.* P. 871.
95 Бурк-Уайт пишет, что номер стоил 18 долларов в сутки, завтрак – 5 долларов, обед – 20–30 долларов с человека; все это оплачивалось по официальному курсу в 5 рублей 30 копеек за доллар.
96 Caldwell E. *Moscow under Fire.* P. 82.
97 Werth A. *Op. cit.* P. 160.
98 Elvin H. *Op. cit.* P. 12.
99 Werth A. *Op. cit.* P. 64.

катесы. Переводчица «из бывших» уверяла Верта, что перед войной можно было купить «36 сортов колбасы», а теперь в продаже остались лишь три. В чем действительно не было недостатка, так это в икре и масле.

На британцев масло производило неизгладимое впечатление. Прибывшая из жившего по карточкам Лондона Шарлотта Холдейн наслаждалась советской едой:

> «Я объедалась маслом, во время каждой трапезы съедая дневную норму. Оно было жирным, золотистым, сливочным – настоящее фермерское масло. Русские используют его для всего, с немыслимой, на наш взгляд, расточительностью тратя его даже на готовку»[100].

В сентябре, во время приема для советских и иностранных журналистов в ресторане гостиницы «Москва», столы были украшены фигурами лошадей из масла – каждая была размером с собаку.

Вплоть до октября 1941-го в Москве не наблюдалось больших перебоев с продуктами. В июле ввели карточки и одновременно открыли коммерческие магазины, цены в которых были в два-три раза выше государственных. Масло в коммерческих магазинах стало стоить 50 рублей за килограмм (вместо 25), а сахар – 15 (вместо 5 рублей 50 копеек). Икра оставалась визитной карточкой любого банкета, и она свободно продавалась в магазинах на улице Горького. В честь открытия балетного сезона 7 сентября Моатс решила организовать в своем номере в «Национале» небольшой обед, который превратился в вечеринку на три десятка гостей. Под водку и «Мартини» ушли два килограмма черной икры по 115 рублей за килограмм и всевозможные закуски: грибы, тушенные в сметане, холодное мясо, салаты. С французским шампанским, купленным у Шапиро, хорошо гармонировали макаруны, которые предоставил «Национаь». Вся эта роскошь, весьма впечатлившая Верта, обошлась Моатс в 3600 рублей, или 200 долларов по курсу черного рынка.

Другая, уже скандальная, история с икрой произошла через месяц, во время работы Московской конференции. Лорд Бивербрук решил побаловать Черчилля русским деликатесом. Об этом прознал корреспондент «The News Chronicle» Филипп Джордан и, поскольку в тот день других интересных новостей не было, написал заметку о покупке 25 фунтов (10 килограммов) икры для премьер-министра[101]. Заметку перепечатали не только в «The Times», но и в «Daily Express» – газете, которой владел сам Бивербрук. Черчилль был в ярости, лорд-газетчик

100 Haldane C. *Russian Newsreel*. P. 28.

101 В источниках имеются расхождения: одни указывают, что Бивербрук хотел купить 25 фунтов икры, другие – что стоимость покупки составляла 25 фунтов стерлингов. В любом случае, учитывая цену в 115 рублей за килограмм и обменный курс в 50 рублей за фунт, вес икры получается более 10 килограммов.

пытался все отрицать и требовал от Джордана опровергнуть обнародованную информацию, но тот, ссылаясь на принципы свободы прессы, не поддался давлению[102]. Конференцию союзников в результате прозвали «Икорной».

Сами иностранцы зачастую не вникали в сложности, сопровождавшие поиск и покупку продуктов, – за них это делала прислуга, нередко из поволжских немцев. Разумеется, эти «самые цивилизованные люди на Волге» знали немецкий. Как следствие, наниматели подозревали немецкую прислугу в связях с германским посольством, хотя прямых доказательств не имелось. С началом войны этнические немцы испытывали все бóльшие неудобства, но тем не менее продолжали трудиться у англичан, в том числе на посольской даче. 28 августа вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», а с 10 сентября немцев начали выселять и из Москвы. Попытки корреспондентов отстоять «своих» ни к чему не привели. На вокзал журналисты и высылаемые немцы отправились вместе. «Это вечная ссылка для меня, я никогда не вернусь в Москву», – плакала Анна, служанка Кэссиди. Американец снабдил ее деньгами, едой и одеялами: максимум того, что он мог сделать[103]. По слухам, немецкую прислугу при себе смогло сохранить лишь посольство Великобритании, пользовавшееся бóльшим влиянием как главный советский союзник. Филипп Джордан написал статью, в которой, описывая депортацию немцев «как величайшую в истории», все же пытался оправдать этот шаг: «Вероятно, они были лояльны Советскому Союзу, но “вероятно” не является достаточной гарантией в военное время»[104]. Верт посчитал публикацию этой статьи неразумной: «Она лишь побудит противников красных и наших мягкосердечных либералов вновь говорить о советской жестокости»[105]. Вскоре из Москвы были высланы и финны; Джордан лишился своего шофера Освальда[106].

Приближавшаяся зима вынудила прибывших весной и летом корреспондентов задуматься о теплой одежде. Дешевле всех оделся Верт. В Столешниковом переулке он приобрел белый полушубок из «сибирской собаки», с каракулевым воротником, всего-навсего за 337 рублей (7 фунтов, если рассчитывать по курсу 50 рублей за фунт), а также каракулевую шапку за 175 рублей – то есть за 3 фунта 10 шиллингов. Мужских галош нигде не было – только дамские и детские. Зато в наличии имелись высокие валенки за 300 рублей, которых

102 Jordan P. *Op. cit.* P. 131–132.
103 Moats A.-L. *Blind Date with Mars.* P. 377.
104 Jordan P. *Op. cit.* P. 77.
105 Werth A. *Op. cit.* P. 174.
106 Jordan P. *Op. cit.* P. 78.

Верт не купил, поскольку шофер Миша сказал ему, что в шубе и валенках он будет похож на колхозника. Шуба, если верить очевидцам, воняла псиной, но зато была теплой. Феминистка Холдейн ненавидела хождения по магазинам, но ей пришлось поступиться принципами ради подходящей шубы. В тогдашнем «Мосторге», нынешнем ЦУМе, цены были заоблачные: за каракулевую или лисью шубу просили 2500–4000 рублей[107]. В универмаге поскромнее Холдейн повезло: она наткнулась на шубу из пони, с лисьим воротником, за 1800 рублей. Советская шуба для британской коммунистки оплачивалась гонорарами, полученными за статьи в «Красной звезде».

Синий карандаш и долгожданная передовая

Работа иностранных корреспондентов в Москве заметно усложнилась еще с 1 января 1940 года, когда на подготавливаемые ими материалы распространили полномочия советской цензуры[108]. После нападения немцев на СССР ограничения ужесточились. Отдел прессы НКИД по привычке видел в журналистах скорее врагов и шпионов, прибывших чинить козни советской стране. Отношение властей к зарубежной прессе хорошо иллюстрируют слова замнаркома НКИД Соломона Лозовского, сказанные им Джордану в ответ на жалобу журналиста на жесткость цензуры: «Я бы предпочел, чтобы в Москве было пятьдесят недовольных журналистов, чем пятьдесят погибших русских солдат на поле боя»[109]. Столь же характерна и фраза Ильи Эренбурга, брошенная во время пресс-конференции какому-то иностранному корреспонденту: «В военное время объективных журналистов нужно расстреливать»[110].

С одной стороны, советское правительство понимало, что западная пресса способна позитивно влиять на оказание помощи СССР; с другой стороны, оно хотело максимально контролировать журналистов, находящихся в Москве, не позволяя им вольностей. Джордан отмечал, что со временем цензурная хватка ослабла, но лишь в отношении военных новостей, которые и без того во многом были простым пересказом советских газет. Доступа на фронт иностранные корреспонденты не имели; исключением стали лишь несколько специально

107 Средняя зарплата в Советском Союзе в 1940 году составляла 339 рублей в месяц (*Советская жизнь. 1945–1953 гг.* / Сост. Е.Ю. Зубкова и др. М.: РОССПЭН, 2003. С. 501). Советский персонал посольства США в тот год получал в среднем 1000 рублей (Axton M.F. et al. (Eds.). *Op. cit.* P. 872), а водители, работавшие с иностранными корреспондентами, – 1000–1200 рублей (Werth A. *Op. cit.* P. 69).

108 *Russia: Foreign Correspondent* // Time Magazine. 1940. September 23. P. 34–36.

109 Jordan P. *Op. cit.* P. 106.

110 Цит. по: Cockett R.B. *«In Wartime Every Objective Reporter Should Be Shot»: The Experience of British Press Correspondents in Moscow, 1941–1945* // Journal of Contemporary History. 1988. Vol. 23. № 4. P. 515.

организованных для них поездок. Цензуру интересовали в основном политические темы и блокирование любой критики советского руководства. Статья того или иного зарубежного корреспондента нередко выхолащивалась до такой степени, что превращалась в попугайский пересказ очередного официального заявления, сделанного советским правительством[111].

Иностранной прессой безраздельно «правил» начальник Отдела печати НКИД Николай Пальгунов, ставший в 1943 году генеральным директором ТАСС и продержавшийся на этой должности 27 лет. «Советские коллеги боялись его, так как считалось, что он имел большие связи в ЦК», – вспоминал Кэссиди. Иностранные журналисты ненавидели Пальгунова за жесточайшую цензуру и за необязательность, с которой тот проваливал интервью и поездки[112]. К работе в качестве цензоров привлекались те работники НКИД, которые прежде никогда не имели сношений с европейцами или американцами. В результате отдел печати был в основном укомплектован референтами – фактически цензорами – из числа дипломатических работников, ранее служивших в Китае и Японии. В связи с этим их главным помощником в работе с англоязычными текстами был словарь[113]. Подозрительные слова и выражения, которых не удавалось найти в словаре, беспощадно вычеркивались. Журналистов буквально вынуждали писать примитивным языком начальных классов школы, после чего заставляли садиться рядом с цензором и разъяснять, что же подразумевалось в той или иной фразе. Некоторые, как Холдейн, пытались хитрить и отправляли к цензорам своих русских секретарей, которые знали язык намного лучше. С разрастанием пула военной прессы цензоры работали буквально на износ, круглыми сутками вычитывая телеграммы нетерпеливых корреспондентов, требовавших поторопиться к утреннему выпуску собственных газет.

Положение журналистов стало чуть легче после того, как Красная Армия начала добиваться первых успехов. После их многочисленных и тщетных просьб о командировке на фронт звезды на военно-политическом небосклоне наконец-то расположились должным образом: 6 сентября 1941 года была освобождена Ельня, а Московская конференция антигитлеровских держав потребовала пиар-поддержки. Несмотря на то, что впечатление от победы под Ельней было в конце сентября смазано падением Киева, это событие не успело помешать первой масштабной вылазке иностранных корреспондентов в прифронтовую зону.

111 Jordan P. *Op. cit.* P. 106–107.
112 Cassidy H.C. *Op. cit.* P. 61.
113 Jordan P. *Op. cit.* P. 109.

Поездка состоялась с 15-го по 21 сентября 1941 года. Группа состояла из одиннадцати журналистов, среди которых были две женщины: Бурк-Уайт (с мужем) и Холдейн. Делегацию сопровождали два полковника, молодой бригадный комиссар, который всю поездку угрюмо молчал, скрывая свое имя и неплохое знание английского, а также цензор Петр Ануров, впоследствии ставший полпредом в Японии. Любопытно, что никто из участников тура не упоминал о том, что группу сопровождали агенты НКВД.

Илл. 11. Маргарет Бурк-Уайт запечатлела водителей, маскирующих машины пресс-тура во время поездки на фронт. Слева направо: Уоллес Кэрролл, Филипп Джордан (в униформе), Шарлотта Холдейн, Альфред Торнтон Чолертон и Эрскин Колдуэлл (© Haldane C. Russian Newsreel).

Первым пунктом программы стала Вязьма, где после осмотра аэродрома и демонстрации пуска реактивного снаряда состоялся пресс-банкет с участием начальника штаба Западного фронта, генерал-лейтенанта Василия Соколовского. Рано утром, когда все еще спали, Вязьма подверглась бомбардировке. Позже жители утверждали, что вражеские самолеты прилетали исключительно из-за иностранных журналистов, поскольку налетов на центр города не было ни до ни после. Бомба упала совсем рядом с гостиницей, засыпав всех битым стеклом, а Анурова придавило оконной рамой. Никто из журналистов не пострадал, но взрыв убил четверых гражданских в соседнем доме: мужчину, подростка и двух девочек. Бурк-Уайт оказалась на месте гибели людей раньше спасателей и сосредоточилась на выставлении фокуса, не давая волю эмоциям. Рядом с ней стояла Холдейн, привычная к таким картинам по бомбардировкам Лондона.

Затем караван «эмок» двинулся по проселочным дорогам дальше на запад, к Ярцево: там корреспонденты посетили 38-ю стрелковую дивизию под командованием полковника Максима Кириллова. Журналистам приходилось выходить из машин и выталкивать их из грязи. Делегация добралась до окраин Ельни, полуразрушенной боями. В конце концов, корреспонденты стали требовать возвращения в Москву, так как опасались пропустить начало союзнической конференции. Бурк-Уайт из-за этого расплакалась: ей хотелось заснять как можно больше кадров[114]. В итоге решили все-таки доехать до центра Ельни, где Бурк-Уайт сделала несколько своих знаменитых снимков. Напоследок был устроен финальный банкет, оставивший у большинства тяжелые воспоминания – водки на прощании было слишком много[115].

Цензуру интересовали в основном политические темы и блокирование любой критики советского руководства. Статья того или иного зарубежного корреспондента нередко выхолащивалась до такой степени, что превращалась в попугайский пересказ очередного официального заявления, сделанного советским правительством.

* * *

Последовавший вскоре прорыв фронта в районе Брянска и Вязьмы не остался не замеченным иностранными корреспондентами и дипломатами. У них была возможность слушать германские радиопередачи, и, хотя первые дни наступления немцами практически не освещались, чтобы скрыть масштабы операции, даже дозированная информация позволяла сделать вполне конкретные выводы. Уже 10 октября американский посол поинтересовался у Вышинского, не собирается ли советское правительство покинуть Москву, на что получил отрицательный ответ[116].

Накануне 15 октября Кэссиди, как и многие корреспонденты и дипломаты, получил большую тисненую открытку от афганского посла с приглашением на чай по случаю дня рождения короля Афганистана. Всеобщий сбор дипломатов, однако, со-

114 Moats A.L. *Op. cit.* P. 384–386.
115 Haldane C. *Truth Will Out.* London: The Right Book Club, 1949. P. 220–221.
116 *Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942.* Т. XXIV. С. 355.

стоялся не в афганской резиденции, а в ресторане Казанского вокзала. Дело в том, что около полудня 15 октября Молотов вызвал дуайена дипломатического корпуса в Москве, посла Ирана Саеда, которому от лица советского правительства было объявлено, что «основные учреждения города Москвы эвакуируются в город Куйбышев». Дипкорпусу предлагалось эвакуироваться туда же[117]. Вслед за этим в НКИД были приглашены Криппс и Штейнгардт. На сборы было дано всего шесть часов. Иностранцы собирались в своих посольствах и оттуда выезжали на Казанский вокзал. Там местом встречи был ресторан, оперативно очищенный от посторонних вечными спутниками из НКВД.

Лучше всего к эвакуации подготовилось посольство США – во многом благодаря настойчивости Штейнгардта и запасливости Тейера. В предоставленном дипломатам поезде не было вагона-ресторана, но зато имелся крытый грузовой вагон, прицепленный сразу за паровозом. Никто не знал его предназначения, но Тейер и не стал выяснять:

> «Как только начальник вокзала повернулся к нам спиной, мы тотчас пригнали наши грузовики с припасами на перрон, и через несколько секунд они уже были в вагоне. Мы посадили на них сверху одного из посольских курьеров с инструкцией запереться изнутри и никому не открывать без моей команды»[118].

Отходящий поезд накрыл плотный мокрый снег. Москва, особняки, дачи, «Арагви» – все осталось в омуте прошлого, которое всегда лучше настоящего.

117 *Прием дуаена дипкорпуса, иранского посла Саеда, 15 октября 1941 г.* АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3 АВТО. Д. 5. Л. 95.
118 Тейер Ч. *Указ. соч.* С. 249.